
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Никита Мкртчян

МИГРАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НЕСОВЕРШЕННОЙ СТАТИСТИКИ

Северный Кавказ является одной из самых «проблемных» частей России с точки зрения надежности данных о составе населения, затрудняя планирование социальной политики в этом регионе. В частности, недостоверная информация о миграции населения порождает неверные оценки численности населения регионов Северного Кавказа и отдельных их групп, что может вести к неоправданно высоким трансфертам из федерального бюджета, неэффективным тратам на социальную политику. В статье критически оцениваются те источники статистической информации о миграции на Северном Кавказе, на основе которых в основном осуществляется оценка масштабов этого явления. В частности, сомнению подвергнуты данные по миграции, полученные на основе итогов переписей населения 2002 и 2010 гг. в ряде республик. Показаны основные проблемы используемых при анализе миграции данных; их некорректность подтверждается как сравнением данных переписей и административных источников, так и выводами работ других исследователей. Показано, что наиболее надежные источники данных говорят о продолжающемся оттоке населения из региона. Отдельно рассматривается вопрос о надежности данных муниципальной статистики. Продемонстрировано, что анализ данных по муниципальным образованиям в большинстве регионов требует досчетов, после которых вырисовывается необычная картина: «глубинка» Северного Кавказа (сельские районы, расположенные в отдалении от крупных городов) в миграционном отношении схожа с аналогичными территориями других частей страны, а города и их пригороды имеют специфику – в отличие от других регионов, статистика

Никита Владимирович Мкртчян – к. географ. н., ведущий научный сотрудник, Институт демографии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт географии РАН, Москва, Россия. Электронная почта: nmkrтчян@hse.ru

не фиксирует их миграционный прирост. Дальнейший анализ показывает, что это, скорее всего, связано с большой долей нерегистрируемой миграции в города. Этот феномен, известный и в России в целом, на Северном Кавказе усиливается из-за особенностей расселения мигрантов в его крупных городах. Сделаны выводы о том, какие источники данных по миграции на Северном Кавказе являются наиболее показательными для нужд социальной политики в этом регионе.

Ключевые слова: миграция населения, Северный Кавказ, переписи населения, статистика миграции, муниципальные образования

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22

Миграция в регионах Северного Кавказа (в данной статье будем понимать под ним Северо-Кавказский ФО) имеет выраженные особенности. С одной стороны, миграция на Кавказе измерялась, особенно в годы этнополитических напряжений (Осетино-ингушский конфликт в 1992 г., обе Чеченские войны), тысячами, десятками тысяч. Но именно здесь проживание веками в древних селах породило редкую привязанность к родным местам. Оба эти обстоятельства, осложненные несовершенством статистики населения, серьезно затрудняют изучение миграции в регионе, но делают его весьма актуальным.

По мнению Натальи Зубаревич, «российская региональная статистика несовершенна, но для республик Северного Кавказа это справедливо вдвойне» (Зубаревич 2010). При общем несовершенстве статистики миграции в России, в регионах Северного Кавказа дела обстоят хуже, чем в других частях страны. Тем не менее в данной статье сделана попытка оценить надежность имеющихся источников и сделать вывод о том, на какие данные лучше всего опираться, исследуя миграцию на Северном Кавказе. Этот вопрос актуален для планирования социальной политики как в самом СКФО, так и в тех регионах России, куда в последние десятилетия идет миграция северокавказского населения.

Статья построена следующим образом. Сначала демонстрируются общие проблемы с данными по численности населения на Северном Кавказе. Затем сопоставляется надежность разных источников для оценки миграции на уровне регионов. И на основе данных муниципальной статистики делается попытка ответить на вопрос о том, верно ли, что внутрирегиональная миграция на Северном Кавказе не подчиняется тенденциям, наблюдаемым в других российских регионах.

Проблемы учета населения на Северном Кавказе

Информация о численности населения отдельных регионов России базируется на данных переписей населения – последней Всесоюзной (1989 г.)

и Всероссийских (октябрь 2002 и 2010 гг.), а также данных текущего учета населения. По результатам переписей данные текущего учета корректируются, пересчету подлежит миграционный прирост. Так как население России по результатам переписи 2002 г. превысило расчетные данные на 1,8 млн, а по переписи 2010 г. – почти на 1 млн человек, эти корректировки велики. Однако население отдельных регионов, по данным переписи, «отклоняется» от расчетных цифр в еще большей мере, и регионы Северного Кавказа по масштабам несоответствий и необходимых корректировок занимают лидирующие позиции (Мкртчян 2011).

При этом результаты постсоветских переписей вызывают у исследователей сомнения. По моим расчетам (Мкртчян 2011), в ходе переписи населения 2002 г. «приписки» населения в Чечене, Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии могли составить порядка 1 млн человек. Похожие необоснованные отклонения (820 тыс.) на дату переписи 2002 г. дает оценка динамики численности отдельных народов Северного Кавказа (Богоявленский 2008). Подвергаются сомнению данные переписи и в регионах: например, в Кабардино-Балкарии неточности переписи помешали оценить динамику населения в отдельных сельских поселениях и сдвиги в расселении (Зеленская 2008). На расхождения в оценках численности населения отдельных возрастных групп в Республике Дагестан в 2005 г. указывалось в материалах, подготовленных аппаратом Полпреда Президента РФ в Южном федеральном округе Дмитрия Козака (Кавказский узел 2006), в частности, шла речь о завышенной численности детей. Это же подтверждают данные за 2000–2014 гг. о сопоставлении численности детей в отдельных сельских поселениях Дагестана – наиболее верными оказываются не данные переписи и сельских администраций (они завышены), а сведения медучреждений (Казенин 2016). Обоснованной критике подвергались результаты переписи и по другим республикам (Дзадзиев 2005).

Результаты переписи 2010 г. также вызвали сомнения как в целом по стране (Мкртчян 2011; Андреев 2012), так и в отдельных ее регионах, в частности, в Республике Дагестан (Андреев 2012), в т. ч. в связи с проблемами, возникшими в ходе переписи 2002 г. (Чернышов 2008). Абсолютные масштабы преувеличения численности населения уменьшились, изменился перечень регионов, численность населения которых оказалась явно завышенной. В 2010 г. основные проблемы были в Дагестане и Карачаево-Черкесии. Речь идет о крупных нарушениях, которые можно выявить, сравнивая данные текущего учета и переписей, динамику численности представителей отдельных народов.

Подробный анализ оснований, которые не позволяют доверять статистическим данным, базирующимся на результатах переписей в регионах Северного Кавказа, изложен в приведенных выше работах. К их числу следует отнести объективную сложность организации и проведения переписи в регионах, переживших две волны экстренной миграции из Чечни в 1994–1996

и 1999–2000 гг. и последствия осетино-ингушского конфликта 1992 г. Учет перемещенных лиц в местах временного проживания велся плохо, что породило возможность их двойного или даже тройного счета. Также влияли специфические проблемы учета населения в округе, связанные со следующими обстоятельствами. Во-первых, миграция жителей республик с гор на равнину, в т.ч. в крупные города (например, Махачкалу), создавала возможность двойного учета населения – по месту прежнего жительства в горных селениях, и по месту нового проживания, зачастую без регистрации. Во-вторых, выезд жителей за пределы своих республик не учитывался ни текущей статистикой, ни переписью. Местные власти стремятся этот выезд не замечать, что отражается на результатах переписей.

Несмотря на сомнения в надежности данных переписей, Росстат вынужден на их основе корректировать численность населения многих регионов в сторону увеличения. Но это предполагает и пересчет данных текущего учета за межпереписной период, а в ходе него фиктивное увеличение количества населения списывают именно на миграцию. В результате, например, пересчет миграции по Чеченской Республике, пережившей две войны, дает неправдоподобно малую миграционную убыль населения за 1990–2002 гг. – всего немногим более 50 тыс. человек. Однако именно в этот период из Чечни состоялся почти полный исход примерно 290 тыс. «некоренного», невайнахского населения (это показала и перепись), активно покидали республику и сами чеченцы. По некоторым оценкам, Чеченскую Республику только за 1994–2000 гг. покинули 480–550 тыс. человек (Рязанцев 2003), вернулись немногие, так что официальную оценку миграционной убыли невозможно считать достоверной.

Проблемы пересчетов миграционного прироста от итогов переписи 2002 г. привели к тому, что в систематизированном виде они доступны только с 1997 г. А по Чеченской Республике регулярная публикация данных по составу населения организована только с 2004 г., до этого в республике не был налажен учет населения. При этом начиная с 1992 г. Росстат ежегодно публиковал данные о миграции в печатном виде, причем как прямые данные текущего учета, так и экспертные оценки, в которых пытался учесть потоки внутриперемещенных лиц, осуществлявшиеся между Чечней и соседними регионами Северного Кавказа. Часть из этих потоков были возвратные, что также вело к необходимости своевременного их учета и балансировки по регионам. Но в систематизированном виде, на соответствующих интернет-ресурсах (основной из них – ЕМИСС), эти данные не приведены.

Начиная с 2003 г. данные о миграции на уровне всех регионов Северного Кавказа доступны, однако также не вполне достоверны по причине того, что, согласно переписи 2010 г., население Северо-Кавказского федерального округа вновь превысило расчетные данные (подробнее об этом будет сказано ниже). Росстат снова пересчитал данные о составе населения в регионах с учетом переписи, списав их «послепереписное» увеличение

на неучтенный миграционный прирост. С учетом сказанного, при всех известных проблемах с источниками данных по миграции в России, к данным о миграции населения в регионах Северного Кавказа нужно относиться особенно осторожно.

Миграция на уровне регионов: текущий учет надежнее переписи

Сравнение результатов переписей в регионах Северного Кавказа с данными текущего учета, основанное на несложных расчетах, показывает, что они имеют очень серьезные расхождения. Если бы увеличение численности населения Северного Кавказа, о котором сигнализируют данные последней переписи, было результатом реального миграционного прироста, то этот прирост должен был бы отразиться и на иных характеристиках его населения, представленных в переписи 2010 г. Таких характеристик немного, главная из них – распределение населения по месту рождения. Но в действительности по доле уроженцев других регионов в своем населении республики Северного Кавказа занимают невысокие позиции. В населении Ставропольского края данный показатель (32,1%) по переписи 2010 г. имел близкое к средним по России (28,6%) значение, на среднероссийском уровне был он и в Ингушетии. В других регионах доля неместных уроженцев варьирует от 12,8% в Чечне до 25% в РСО-Алании. При этом в Дагестане, население которого в 2000-е гг. демонстрировало стремительный рост, доля неместных уроженцев – самая низкая в России (2,3%), т.е. полагать, что рост населения, по данным переписи, связан с не учитывавшейся до этого миграцией из-за пределов республики, не приходится.

Таблица 1

Распределение населения регионов Северо-Кавказского Федерального округа по месту рождения в 2010 г., тыс. чел.

	<i>Уроженцы региона, проживающие в других регионах РФ (1)</i>	<i>Жители региона, родившиеся в других регионах РФ (2)</i>	<i>Разница (2–1)</i>
Северо-Кавказский федеральный округ, всего	1385,1	1207,7	-177,5
Республика Дагестан	361,7	51,1	-310,6
Республика Ингушетия	42,4	41,7	-0,6
Кабардино-Балкарская Республика	92,8	83,2	-9,6

Карачаево-Черкесская Республика	42,7	60,5	17,8
Республика Северная Осетия – Алания	119,4	142,1	22,7
Чеченская Республика	348,5	133,2	-215,3
Ставропольский край	377,7	695,8	318,1

Источник: ВПН-2010

Данные переписи 2010 г. позволяют предположить, что и в длительной ретроспективе регионы Северного Кавказа характеризовались оттоком населения. Если миграционную убыль исчислять как разницу между уроженцами региона, проживающими в других регионах страны, и числом местных уроженцев в регионе (табл. 1), то в ряде регионов, особенно в Дагестане и Чечне, она оказывается очень значительной. И это с учетом иммиграции за все предшествующие десятилетия (в т. ч. возвращений из мест насильственной депортации) и без учета эмиграции за пределы страны, которую перепись показать не может. Реально устойчивый миграционный прирост имел только Ставропольский край, что также не соответствует предположению о большом миграционном приросте в республиках, якобы обнаруженном при проведении переписи.

Следующая причина сомнений в адекватности данных последних переписей населения на Северном Кавказе становится ясной при сопоставлении переписных данных с данными текущего учета. Данные текущего учета за 2003–2010 гг., не поправленные с учетом переписи 2010 г., показывают миграционную убыль населения всех регионов, кроме Ставропольского края и Ингушетии (табл. 2). При этом миграционный прирост, подсчитанный через сопоставление данных переписей 2002 и 2010 гг., выше прироста, определенного по данным текущего учета, на 125 тыс. человек. По регионам величина этих отклонений наиболее велика в Дагестане, население которого превысило данные текущего учета на 152 тыс. человек, Карачаево-Черкесии – на 51 тыс., Ставропольского края – на 79 тыс. В случае Ставрополя предполагать реальную неучтенную миграцию, обнаруженную только переписью, вполне логично: край (особенно восточные его районы) привлекателен для мигрантов из соседних регионов, прежде всего из Дагестана (Белозеров и др. 2014) и Карачаево-Черкесии, которые часто проживают без регистрации. Но если допустить недоучет миграции из республик в Ставропольский край и другие регионы страны в текущем учете, то эти республики должны были в результате этого еще больше недосчитаться населения, и тогда отклонения переписного миграционного баланса от данных текущего учета в них должны были бы быть со знаком минус. Поэтому ничем, кроме как ошибкой переписи или преднамеренным искажением данных, дополнительный миграционный прирост населения

Дагестана и Карачаево-Черкесии по переписным данным объяснить не представляется возможным. В других республиках – Ингушетии, Чечне, Кабардино-Балкарии – отрицательные отклонения данных переписи 2010 г. от расчета логичны, прежде всего, по причине завышения данных предыдущей переписи 2002 г. Однако власти Ингушетии результатами переписи остались недовольны, выступали за пересмотр ее итогов. По мнению главы республики Юнус-Бека Евкурова, численность населения по переписи была занижена примерно на 100 тыс. человек (Сухов 2011). Пересмотр ее итогов в Ингушетии, надо отдать должное Правительству РФ и Росстату, произведен не был.

Таблица 2

**Миграционный прирост (убыль) населения
регионов Северного Кавказа в 2003–2016 гг., тыс. человек**

	2003–2010 гг.			2011–2016 гг., текущий учет
	Текущий учет (1)	Баланс от данных переписи 2010 г. (2)	Отклонения (2–1)	
Северо-Кавказский федеральный округ, всего	-83,7	41,4	125,1	-175,0
Республика Дагестан	-53,3	98,9	152,2	-105,2
Республика Ингушетия	6,8	-106,4	-113,2	19,0
Кабардино-Балкарская Республика	-22,7	-57,7	-35,0	-27,4
Карачаево-Черкесская Республика	-18,9	32,6	51,5	-20,7
Республика Северная Осетия – Алания	-16,2	-3,2	13,0	-27,0
Чеченская Республика*	-12,9	-35,8	-22,9	-18,8
Ставропольский край	33,5	113,0	79,5	5,2

* данные за 2003 г. – оценка Росстата

Источники: ЕМИСС

В силу проблем с надежностью переписных данных о численности населения и расчетов на ее основе (методом баланса) миграционного прироста, для анализа миграции на Северном Кавказе необходимо использовать данные текущего учета населения. Преимущество этих данных состоит в том, что по ним можно отдельно оценивать различные миграционные потоки. Например, оказывается, что за 2003–2010 гг. регионы СКФО получили прирост в международной миграции (табл. 3), которая обеспечивалась за счет стран СНГ, прежде всего государств Закавказья. Что касается внутрисоюзной миграции, то можно видеть, что республики в этот период

теряли население в обмене почти со всеми регионами России, исключением являлся небольшой миграционный прирост в миграции Чечни с Калмыкией, Астраханской и Волгоградской областями, Ингушетии с РСО-Аланией и Чечней, а также отдельными регионами азиатской части страны.

Таблица 3

**Миграционный прирост населения
регионов Северного Кавказа за 2003–2010 и 2011–2016 гг., тыс. человек**

	Всего	Из него за счет передвижений			
		В пределах России	Международных	в том числе	
				со странами СНГ и Балтии	с другими зарубежными странами
2003–2010 гг.					
Северо-Кавказский федеральный округ	-79,1	-116,6	37,4	40,7	-3,3
Республика Дагестан	-53,3	-55,4	2,1	2,2	-0,1
Республика Ингушетия	6,8	6,4	0,4	0,4	0,0
Кабардино-Балкарская Республика	-22,7	-23,2	0,5	1,5	-1,0
Карачаево-Черкесская Республика	-18,9	-19,7	0,9	0,9	0,0
Республика Северная Осетия – Алания	-16,2	-28,2	12,0	12,4	-0,4
Чеченская Республика*	-8,3	-8,1	-0,2	-0,1	-0,1
Ставропольский край	33,5	11,7	21,8	23,4	-1,6
2011–2016 гг.					
Северо-Кавказский федеральный округ	-175,0	-220,8	45,7	37,0	8,7
Республика Дагестан	-105,2	-108,2	2,9	2,9	0,0
Республика Ингушетия	19,0	18,2	0,8	0,6	0,2
Кабардино-Балкарская Республика	-27,4	-31,3	3,9	2,6	1,3
Карачаево-Черкесская Республика	-20,7	-21,9	1,2	1,0	0,2
Республика Северная Осетия – Алания	-27,0	-33,6	6,5	3,1	3,4
Чеченская Республика	-18,8	-20,5	1,7	1,3	0,4
Ставропольский край	5,2	-23,6	28,7	25,4	3,3

* данные за 2004–2010 гг.

Источник: Росстат, данные текущего учета

Однако данные переписей 2002 и 2010 гг., показывающих бурный рост населения, который невозможен без значительного по объемам миграционного притока, нельзя полностью игнорировать, т.к. именно на них Росстат опирается в расчетах численности населения и при расчете всех относительных показателей. Данные текущего учета, публикуемые Росстатом за послепереписной период (с 2010 г.), пока сравнивать не с чем, кроме того, методика учета миграции с 2011 г. претерпела серьезные изменения. Росстат начал включать в разработку данные не только о зарегистрированных по месту жительства, но и зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, тем самым, по сути, расширив понятие миграции в его формальном измерении и распространив учет на латентные ранее потоки. В результате предпринятой реформы в течение 2011–2013 гг. масштабы долговременной миграции в России, учитываемой Росстатом, увеличились с 2 до 4 млн перемещений в пределах страны и с 200–300 тыс. до 800–900 тыс. международных мигрантов. Поэтому при сравнении данных за периоды до 2011 г. и после него необходимо учитывать проблему их сопоставимости, связанную с разной методикой учета миграции.

Данные текущего учета, формируемые по новому принципу, подтверждают продолжающуюся миграционную убыль населения в республиках Северного Кавказа. Начиная с 2011 г. убыль испытывали все его регионы, за исключением Ингушетии¹ и Ставропольского края. Больше всех, порядка 20 тыс. ежегодно, терял Дагестан, по масштабам потерь населения в результате миграции республика уверенно опережает все другие регионы России. Данные показывают увеличение миграционного оттока из большинства республик по сравнению с предыдущим периодом, но это не специфическая для Северного Кавказа тенденция: с изменением системы учета миграции в 2011 г. по всей России стали лучше видны ранее латентные потоки миграции («вклад» разных видов миграции в миграционный баланс населения Северного Кавказа см. в табл. 3). Но есть опасения, что в ходе следующей (2020 г.) переписи численность населения республик будет вновь увеличена, что вызовет необходимость корректировки миграционного прироста.

Итак, наиболее надежным источником данных о миграции населения на Северном Кавказе на региональном уровне являются данные текущего учета, которые показывают, что, вопреки иллюзии, создаваемой переписными данными, население из этой части России продолжает активно уезжать. Продолжающийся отъезд населения с Северного Кавказа – эта реальность, от которой необходимо отталкиваться при планировании социальной политики как на самом Северном Кавказе, так и в тех регионах РФ, в которые наиболее активно идет миграция из республик СКФО – прежде всего, в Ставропольском, Краснодарском краях и ряде других

¹ Миграционный прирост Ингушетии не находит объяснения, вызывая обоснованные вопросы к качеству данных, в т.ч. со стороны Росстата.

регионов юга страны. Если перепись населения 2020 г. в регионах Северного Кавказа удастся провести более корректно, избежав искажений численности населения, то и переписные результаты станут более надежной основой для проведения социальной политики в регионе.

Муниципальные данные по миграции: реально ли отклонение от общероссийских тенденций?

Миграция на уровне муниципальных образований уровня районов и городских округов (МО) на Северном Кавказе отражена в статистике менее подробно и с серьезными пробелами. Ряд регионов Северного Кавказа вовсе не размещает информацию в специально разработанной Росстатом Базе данных показателей муниципальных образований (БД ПМО). Причины этого до конца не понятны. Например, по Ингушетии миграционный прирост, полученный методом демографического баланса по городам и районам в 2015 г., на 7,7 тыс. человек отличается от опубликованных Росстатом данных в целом по республике. В отдельные годы расхождения данных БД ПМО с данными в целом по региону имеются также в Ставропольском крае.

При том, что почти по всем регионам России БД ПМО содержит данные о миграции начиная с 2010–2011 гг., реже – с 2012 г., по многим республикам Северного Кавказа в ней содержатся данные лишь за отдельные годы, зачастую без распределения по возрасту. По городским округам Дагестана информация совсем не представлена. Только по Ставропольскому краю, РСО-Алании и Карачаево-Черкесии информация за последние годы представлена полностью.

Тем не менее почти все недостающие данные о миграционном приросте населения по городам и районам регионов Северного Кавказа можно рассчитать методом демографического баланса, используя информацию о динамике численности населения и показателях естественного прироста (убыли) населения. К сожалению, восстановить подобным образом данные о составляющих миграционного прироста, а также о возрастных характеристиках миграционного баланса городов и районов невозможно.

Результаты расчетов подтвердили, что на Северном Кавказе имеется серьезная миграционная убыль населения. Из 144 муниципальных образований регионов Северного Кавказа миграционный прирост в 2012–2015 гг. имели только 33. По показателю интенсивности миграционного прироста лидировали ингушские города Магас (его население в этот период прирастало мигрантами почти на 20 % в год) и Карабулак (более 4 % в год). В числе лидеров были Назрань и Ставрополь вместе с пристоличным Шпаковским районом Ставропольского края. Также устойчивый миграционный прирост имело большинство курортных городов Ставропольского края (Ессентуки, Железноводск, Кисловодск), половина районов Чечни. Среди городов Дагестана значительный миграционный прирост

имел Каспийск, но Махачкала испытывала миграционную убыль населения. При этом практически все МО Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, РСО-Алании и Дагестана имели миграционный отток населения, как и муниципальные районы Ставропольского края. 30% муниципальных районов теряли более чем по 1% в год, некоторые районы Дагестана, Ингушетии и Чечни – более 2% в год. Население внутрорегиональной глубинки, как убедительно показал Александр Панин (2014) на примере одного из районов Ставрополя, выезжает в двух направлениях – в свою региональную столицу и крупнейшие внешние центры – Москву, Санкт-Петербург, Краснодар, Ростов-на-Дону.

Особенность, связанная, видимо, с недоучетом миграции на Северном Кавказе, обнаружившаяся на муниципальном уровне, состоит в том, что региональные столицы (за исключением Ставрополя и бурно отстраивающейся новой столицы Ингушетии Магаса) и их пригородные зоны не имеют устойчивого миграционного прироста. Нет прироста, согласно муниципальным данным, даже в Махачкале, рост населения которой виден по разрастающейся городской застройке.

В постсоветской России концентрация населения в крупнейших городах, региональных столицах и их пригородах вызвана центростремительной миграцией. Такая концентрация имеет место и на Северном Кавказе, но она недоучитывается статистикой, т.к. мигранты, выходцы из сел и поселков республик, не оформляют регистрацию в городах, в результате чего население городов может быть преуменьшено (Капустина 2014). Тем более что мигранты чаще поселяются в пригородных поселках, которые затем, в ходе административно-территориальных преобразований, включают в черту городов (там же). Переписи 2002 и 2010 гг. в северокавказских республиках показывают бурный рост их столиц. Видимо, здесь переписям можно доверять больше, чем данным текущего учета миграции, хотя полностью верной картины не дает ни один из источников. Проблема в том, что учтенные в ходе переписей в крупных городах и их пригородах люди переписываются и в своих родовых селах, в результате такого двойного учета население республик в целом сильно преувеличено. О проблеме «несуществующего» населения в горных районах и селах Дагестана вследствие неучтенной миграции в Махачкалу или на равнинные пастбища (кутаны) известно из данных сельских администраций, собранных в ходе полевых исследований (Интигринова и др. 2012). Даже в крупных равнинных селениях не все имеют регистрацию, часть их жителей сохраняют регистрацию в горных селах (Карпов, Капустина 2011: 252).

Таким образом, «полевые» данные о том, как собирается муниципальная статистика по миграции на Северном Кавказе, не позволяют сделать вывод, что внутри его регионов миграция подчиняется каким-либо тенденциям, отличающимся от общероссийских. Тенденции те же, только статистика разной степени достоверности.

Заключение

Данные о миграции населения в регионах Северного Кавказа противоречивы, переписи и текущий учет в отдельных регионах дают искаженную картину происходящих процессов. Проблемы учета населения в регионах, переживших в 1990-х – начале 2000-х гг. тяжелейший социально-политический и гуманитарный кризис, объяснимы объективно. Но не стоит сбрасывать со счетов и то, что миграция и сложности ее учета – легкий механизм манипулирования цифрами, позволяющий с разными целями осознанно искажать численность и состав населения регионов и отдельных муниципальных образований, что ведет к неверному восприятию социально-экономических проблем территории. Реализация социальной политики в регионах Северного Кавказа, бюджеты которых сильно зависимы от централизованно распределяемых трансфертов, должна опираться на достоверную информацию о населении, в т. ч. о миграции. Даже если мигранты не являются объектом социальной политики, их неверный учет порождает искажение информации о населении мест их исхода и вселения.

При всем несовершенстве статистики, нельзя не заметить, что для регионов Северного Кавказа характерны те же процессы в сфере миграции, что и для других регионов страны. Здесь так же внутрорегиональная глубинка теряет население в результате миграции в свои столицы и за пределы регионов. Благодаря более благоприятной, чем в других регионах страны, демографической динамике, этот отток не так заметен, но в будущем он, как и в других регионах страны, приведет к проблеме ускоренного старения населения, депопуляции. Данные о населении многих сельских районов, которые покидают жители, в ряде республик искажены в ходе переписей. Вероятно, эти искажения сознательны, т. к. численность жителей – показатель, влияющий на размер трансфертов. Нет объективной информации о численности отдельных категорий населения, нуждающихся в социальных услугах, что ведет к неэффективным расходам денежных средств, в т. ч. по линии социальной политики.

Крупные города региона прирастают за счет миграции, несмотря на латентность данных процессов для статистики. В условиях неблагополучия социально-экономического развития регионов, быстрый рост городов ведет к избыточной нагрузке на социальную и транспортную инфраструктуру, порождает конфликты, в т. ч. связанные с неурегулированностью земельных отношений (Интигринова и др. 2012). Население, стремящееся в города региона, прежде всего, молодежь, не всегда может устроить в них свою жизнь, что вынуждает их мигрировать за пределы Северного Кавказа, или участвовать в отходничестве (о чем подробнее см. в обзоре Татьяны Нефедовой в этом выпуске).

При планировании мероприятий социальной политики в регионах Северного Кавказа, в т. ч. при создании и развитии инфраструктуры, необходим

критический взгляд на источники информации о населении и численности отдельных его категорий. Возможно, при переписи 2020 г. Росстату и его территориальным подразделениям удастся учесть ошибки прошлых переписей, для чего нужно очень тщательно готовиться к проведению, учитывая все возможные источники информации о населении регионов СКФО.

Список сокращений:

БД ПМО – база данных показателей муниципальных образований
ЕМИСС – Единая межведомственная информационно-статистическая система
МО – муниципальные образования
СКФО – Северо-Кавказский федеральный округ
ФО – федеральный округ

Выражение признательности

Статья написана в рамках проекта Российского научного фонда Института географии РАН № 14–18–00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме».

Список источников

Андреев Е. М. (2012) О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации. *Вопросы статистики*, (11): 21–35.

Белозеров В. С., Панин А. Н., Приходько Р. А., Чихичин В. В. (2014) *Миграционные процессы на Ставрополье: тенденции и современная ситуация*. Наука. Инновации. Технологии, (4): 96–108.

Богоявленский Д. (2008) Все ли российские народы верно посчитали? *Демоскоп Weekly*. Доступно по ссылке: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php> (дата обращения: 23 июля 2017).

Дзадзиев А. Б. (2005) Демографические процессы в республиках Северного Кавказа в межпереписной период 1989–2002 гг. *Кавказский Узел*. Доступно по ссылке: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/69899/> (дата обращения: 25 июля 2017).

Зеленская А. Е. (2008) Трансформация сети сельских поселений Кабардино-Балкарии (конец XIX в. – начало XX в.). *Известия РАН. Серия географическая*, (6): 51–62.

Зубаревич Н. (2010) *Социальный атлас российских регионов. Портреты регионов*. Доступно по ссылке: http://atlas.socpol.ru/portraits/r_sk.shtml (дата обращения: 26 июля 2017).

Интигринова Т. П., Миронова Н. И., Соколов Д. В., Стародубровская И. В. (2012) Некоторые вопросы землепользования в зонах отгонного животноводства Северного Кавказа. *Труды ГОРД*, (40): 36–48.

Кавказский узел (2006) *Справка об обстановке в Республике Дагестан и мерах по ее стабилизации*. Доступно по ссылке: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/95353/> (дата обращения: 23 июля 2017).

Казенин К. (2016) Число детей в сельских поселениях Дагестана: сопоставление источников данных. *Демографическое обозрение*, 3 (4): 93–113.

Капустина Е. Л. (2014) Трансформация городского пространства столицы Дагестана в контексте миграционных процессов. *Труды ГОРД*, (42): 58–89.

Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. (2011) *Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX– начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы*. СПб: Петербургское востоковедение.

Мкртчян Н. В. (2011) Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. *Известия РАН. Серия географическая*, (5): 28–41.

Панин А. (2014) *Русский барометр Северного Кавказа. Кавполит*. Доступно по ссылке: http://kavpolit.com/articles/russkij_barometr_severnogo_kavkaza-4578 (дата обращения: 26 июля 2017).

Рязанцев С. В. (2003) Миграционная ситуация и миграционная политика на Северном Кавказе. *Журнал исследований социальной политики*, 1 (2): 153–168.

Сухов И. (2011) Магас дает показания. *Московские новости*. Доступно по ссылке: <http://www.mn.ru/politics/67919> (дата обращения: 23 июля 2017).

Чернышов М. (2008) Загадки демографии. *Черновик*. Доступно по ссылке: <https://chernovik.net/content/ekonomika/zagadki-demografii> (дата обращения: 22 июля 2017).

Nikita Mkrtychyan

MIGRATION IN THE NORTH CAUCASUS AND THE ACCURACY OF STATISTICS

The North Caucasus is often considered to be a region of Russia where problems with official data on population dynamics are especially serious. This causes special difficulties for the planning of social policy there. Unreliable information on migration yields an incorrect assessment of the population size as a whole and of some of its groups. This, in turn, results in inadequate calculations for transfers from the federal budget, including social expenses. For these reasons, different sources of data on migration to, from and within the North Caucasus are considered in the paper. It is argued that data based on the Russian Censuses of 2002 and 2010 are not reliable in this case. This conclusion is supported by comparing the census data with data from other sources, including the studies of other scholars. It is further shown that the most reliable data demonstrate that there is an ongoing intensive emigration from the North Caucasus to other regions of Russia. The reliability of municipal data on migration is considered separately. It is shown that using such data almost always requires certain corrections. After those corrections, however, a rather unexpected picture emerges, under which emigration from remote rural areas is intensive, but no concentration of population in major regional cities is observed. Further analysis shows that that may be due to high levels of unregistered migration to such cities. This phenomenon is common for today's Russia, but in the North Caucasus it may be especially wide-spread because there rural-to-urban migrants often live in suburbs where registration is poorly organized. In the conclusion, recommendations are offered concerning choice of different data sourced on migration in social policy planning in the North Caucasus.

Keywords: population migration, the North Caucasus, population censuses, statistics on migration, municipalities

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22

References

Andreev E. M. (2012) O tochnosti rezul'tatov rossiyskikh perezisey naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [On the Accuracy of Russia Population Censuses Results and the Level of Confidence in Different Sources of Information]. *Voprosy statistiki* [Statistics Issues], (11): 21–35.

Nikita Mkrtychyan – PhD (kandidat nauk) in Geography, Leading Research Fellow, Institute of Demography, National Research University Higher School of Economics (HSE), Leading Research Fellow, Institute of Geography Russian Academic of Sciences, Moscow, Russian Federaton. Email: nmkrtychyan@hse.ru

- Belozеров V. S., Panin A. N., Prihodko R. A., Chihichin V. V. (2014) Migratsionnye protsessy na Stavropol'e: tendentsii i sovremennaya situatsiya [Migration Processes in the Stavropol Region: Trends and Current Situation]. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii* [Science. Innovations. Technologies], (4): 96–108.
- Bogoyavlenskiy D. (2008) Vse li rossiyskie narody verno poschitali? [Have All Russian Ethnic Groups Been Correctly Calculated?]. *Demoscope Weekly*. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php> (accessed 23 July 2017).
- Caucasian Knot (2006) *Spravka ob obstanovke v Respublike Dagestan i merakh po ee stabilizatsii* [Information on the Situation in the Republic of Dagestan and Measures to Stabilize It]. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/95353/> (accessed 23 July 2017).
- Chernyshov M. (2008) Zagadki demografii [The Mysteries of Demography]. *Chernovik* [Draft]. Available at: <https://chernovik.net/content/ekonomika/zagadki-demografii> (accessed 22 July 2017).
- Dzadziev A. B. (2005) Demograficheskie protsessy v respublikakh Severnogo Kavkaza v mezhperepisnoy period 1989–2002 gg. [Demographic Processes in the Republics of the North Caucasus in the Intercensal Period of 1989–2002]. *Kavkazskiy uzel* [Caucasian Knot], Available at: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/69899/> (accessed 25 July 2017).
- Intigrinova T. P., Mironova N. I., Sokolov D. V., Starodubovskaya I. V. (2012) Nekotorye voprosy zemlepol'zovaniya v zonakh otgonnogo zhivotnovodstva Severnogo Kavkaza [Some Questions of Land Use in Zones of a Pasture of Agricultural Cattle of the North Caucasus]. *Trudy GORD* [Scientific Works of DGS], (40): 36–48.
- Kapustina E. L. (2014) Transformatsiya gorodskogo prostranstva stolitsy Dagestana v kontekste migratsionnykh protsessov [The Transformation of the Urban Space of the Capital of Dagestan within the Context of Migration Processes]. *Trudy GORD* [Scientific Works of DGS], (42): 58–89.
- Karpov Yu. Yu., Kapustina E. L. (2011) *Gortsy posle gor* [Mountain People After the Mountains]. St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies.
- Kazenin K. (2016) Chislo detey v sel'skikh poseleniyakh Dagestana: sopostavlenie istochnikov dannykh [Estimating Number of Children in Villages of Dagestan: A Comparison of Data Sources]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 3 (4): 93–113.
- Mkrtchyan N. V. (2011) Dinamika naseleniya regionov Rossii i rol' migratsii: kriticheskaya otsenka na osnove perepisey 2002 i 2010 gg. [The Population Dynamics of Russia's Regions and the Role of Migration: Critical Assessment Based on the 2002 and 2010 Censuses] *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], (5): 28–41.
- Panin A. (2014) Russkiy barometr Severnogo Kavkaza [The Russian Barometer of the North Caucasus]. *Kavpolit*. Available at: http://kavpolit.com/articles/russkij_barometr_severnogo_kavkaza-4578 (accessed 26 July 2017).
- Ryazantsev S. V. (2003) Migratsionnaya situatsiya i migratsionnaya politika na Severnom Kavkaze [Migration and Migration Policy in the Northern Caucasus]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 1 (2): 153–168.
- Sukhov I. (2011) Magas daet pokazaniya [Magas Gives Evidence]. *Moskovskie novosti* [Moscow News]. Available at: <http://www.mn.ru/politics/67919> (accessed 23 July 2017).
- Zelenskaya A. E. (2008) Transformatsiya seti sel'skikh poseleniy Kabardino-Balkarii (konets XIX v. – nachalo XX v.) [Transformation of Rural Settlement of Kabardino-Balkaria (From the end of the 19th Century to the Beginning of the 20th Century)]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], (6): 51–62.
- Zubarevich N. (2010) *Sotsial'nyy atlas rossiyskikh regionov. Portrety regionov* [Social Atlas of Russian Regions. Portraits of Regions]. Available at: http://atlas.socpol.ru/portraits/r_sk.shtml (accessed 26 July 2017).